

Уроки истории

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

ПОЧЕТНЫЕ АКАДЕМИКИ И «КОРИФЕИ НАУКИ»

Дореволуционная Императорская Академия наук (ИАН), подобно многим зарубежным академиям, наряду с действительными (ординарными и пр.) членами (или академиками) избирала также *почетных членов*.

Это звание первоначально получали выдающиеся зарубежные ученые. Первым из них с 19(30) марта 1725 г. стал философ, математик и физик барон Христиан фон Вольф (1679–1754), лично помогавший императору Петру I, Л. Л. Блюментросту и И. Д. Шумахеру в создании Академии наук в Санкт-Петербурге.

Позднее в почетные члены выходили крупные ученые — «профессоры» Академии, покидавшие ее. Сначала это были иностранцы, возвращавшиеся по окончании контракта с Академией за границу. Почетными членами стали с 1(12) января 1731 г. математик Яков (Якоб) Герман, швейцарец из Базеля и Георг Бернгард Бильфингер (Бюльфингер), математик, физик, философ из Канштата [1, кн. 1, с. 2]. 24 июля 1747 г. императрица Елизавета Петровна утвердила Регламент Академии наук и художеств, где в п. 6 были предусмотрены 10 почетных членов [2, с. 42]. Через четыре дня это звание получил первый русский, в прошлом адъютант по ботанике и ассессор Канцелярии Академии Григорий Николаевич Теплов [1, т. 1, с. 13]. В дальнейшем в регламентах и уставах ИАН были предусмотрены почетные члены, число которых постепенно увеличивали. Ими могли быть и наши соотечественники и иностранцы [2, с. 77–80, 107]. Довольно скоро — опять же в европейских традициях — наряду с собственно учеными званием почетных членов ИАН стали отмечать видных деятелей государства, церкви, генералов, а позже — членов правящих монархических домов России и Европы и др. В Европе такого рода инициатива монарха обычно имела в виду политические, в частности династические, цели. Если же право выбора было за самой Академией или иным научным обществом, то целью чаще было установление нужных общественных связей, обзаведение благотворителями из числа почетных членов и т. п.

Первая большая группа государственных и церковных деятелей России, которых императрица Екатерина II ввела в свою Академию, оказалась в числе почетных членов ИАН 27 декабря 1776 г. (7 января 1777 г.). Известно, что сама ее за 8 лет до этого избрала своим почетным членом Берлинская академия наук (она была единственной женщиной среди членов этой Академии) [3, с. 29]. И хотя Екатерина смиренно ответила тамошним академикам: «Вся моя наука состоит в знании, что все люди братья» [4, с. 171], государыня была тогда явно польщена. Возможно, она сочла полезным и недорогим политическим и воспитательным действием раздачу почетных академических дипломов.

В числе назначенных почетных академиков были государственный и военный деятель князь Г. Г. Орлов; канцлер, дипломат граф Н. И. Панин; полководец и дипломат, фаворит императрицы светлейший князь Г. А. Потемкин; полководец и генерал-губернатор Малороссии П. А. Румянцев — граф Задунайский. Был среди них и наследник престола, 22-летний великий князь Павел Петрович, будущий им-

ператор Павел I. Очевидно, мать хотела утешить сына, отставленного от государственных дел и трона (отметив его среди выдающихся своих сподвижников), а возможно, надеялась пробудить в нем охоту следовать их служебным примерам и интерес к Академии и наукам. Так положила она начало «награждениям» наследников трона званием «почетного члена Императорской Академии наук». Император Николай I 29 декабря 1826 г. (7 января 1827 г.) сам принял это звание и явно одобрил решение ИАН, избравшей в почетные члены его братьев — великих князей Александра (будущего императора Александра II), Константина и Михаила. Позднее в числе прочих 14 великих князей почетными членами ИАН были будущие императоры Александр III и Николай II.

Дипломъ на званіе Почетнаго Члена поднесеннаго
Его Императорскому Величеству
Князю Императору Николаю Павловичу.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

УДОСТОЯЕШЬСЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУКЪ

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ СТОЯЩІИ

ПРИНЯТЬ ЗВАНІЕ

ПОЧЕТНАГО ЕЯ ЧЛЕНА.

ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ

СТОЛЬ ВОЗДЕЛАННАГО ДЛЯ НАУКЪ СОБЫТІА,
А К А Д Е М І Я,

ПАМЯТИМЪ ИЩУЩИХЪ И ЛЮБИМЪ КЪ НАУКАМЪ
ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА,
СЪ ЧУВСТВОМЪ ГЛУБОЧАЙШАГО ЗАЛОГОВАНІА
И ВЕЗПРЕДЪЛЪНОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

ВНЕСТЬ ИМЪ ЧАСТІЕ ПОДПИСАТЬ

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Д И П Л О М Ъ С Е Я

НА ЗВАНІЕ ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ 29 ДЕКЯБРЯ

1826 ГОДА.

*Диплом на звание почетного члена Академии наук,
поднесенный Николаю I в ознаменование 100-летия
Санкт-Петербургской академии наук*



Юбилейная медаль 100-летия Академии наук (1826)

Надо отдать должное: среди тогдашних «не ученых» почетных членов ИАН многие государственные и церковные деятели и ряд членов императорской фамилии занимались наукой, просвещением, покровительствовали культуре, здравоохранению или высшему образованию. Например, тот же князь Григорий Григорьевич Орлов был президентом созданного в 1765 г. Вольного экономического общества. (Ставший императором Павел I, увы, не был замечен в научных занятиях.)

В XX в. в ИАН почетными членами значились 11 особ из царствующих домов России, Италии, Монако, Румынии и Швеции. Из Романовых это были император Николай Александрович, великие князья Георгий Михайлович, Николай Михайлович (историк) и Павел Александрович (казненные в 1918–1919 в Екатеринбурге и Петрограде), а также принц Александр Петрович Ольденбургский (основатель и попечитель Императорского Института экспериментальной медицины), скончавшийся в эмиграции в 1932 г. [5, с. 53–54].

В 1917 г. отечественными почетными членами Российской академии наук — не из числа ученых — оставались также бывшие министр просвещения, шталмейстер, гофмейстер и др. Позднее из многих десятков умерших царских сановников — почетных членов Академии официального посмертного изгнания из их списка удостоился только граф Павел Николаевич Игнатьев (1870–1926), бывший в 1915–1916 гг. министром народного просвещения, видный деятель образования и культуры, которого ИАН заслуженно избрала почетным членом в конце 1916 г. В ходе усиления партийно-государственного контроля за Академией наук власти заставили Общее собрание АН СССР в 1928 г. исключить из своих рядов лиц, оставшихся за границей, в том числе П. Н. Игнатьева. Вероятно, в СССР не было известно о том, что его уже два года нет в живых. 22 марта 1990 г. постановлением Общего собрания АН СССР он был восстановлен в списке почетных членов.

После 1917 г. среди почетных членов Академии оказались сомнительные для советских властей лица.

Юрист-криминалист Н. С. Таганцев (избранный 2 декабря 1917 г.) имел сына, расстрелянного в 1921 г.; имущество его после ареста сына было конфисковано [6, с. 201].

Микробиолог С. Н. Виноградский (член-корреспондент с 3 декабря 1894 г., почетный член с 7 декабря 1923 г.) в годы советской власти жил во Франции, под Парижем, и не вернулся на родину до самой смерти в 1953 г.

Изобретатель и конструктор В. Г. Шухов (член-корреспондент с 14 января 1928 г., почетный член с 31 января 1931 г.) был арестован и объявлен на процессе «Промпартии» одним из главных вредителей на транспорте. Правда, он купил у властей свободу, осудив «Промпартию» и подарив государству «в фонд соцстроительства» свои большие доходы от патента на котлы (около 50 тыс. руб. в год) [6, с. 210].

Математик профессор Д. Ф. Егоров (член-корреспондент с 6 декабря 1924 г., почетный член с 31 января 1929 г.), глава московской математической школы, был церковным старостой прихода христовославцев в Москве, выступал против навязывания ученым единого мировоззрения, открыто протестовал на I-м Всесоюзном съезде математиков против клеветы коллег-математиков в проекте приветствия XVI съезду ВКП(б) на «остатки эксплуататорских классов», которые якобы ведут подрывную работу в нашей стране. Был арестован в декабре 1930 г., выслан в Казань, где умер в больнице во время голодовки [6, с. 163].

Историк и социолог Н. И. Кареев был известен как либерал, которого критиковал В. И. Ленин. Академия наук СССР сумела избрать его своим почетным членом 31 января 1929 г. — в разгар кампании по ее «советизации» согласно планам руководства ВКП(б).

Все это, видимо, вызывало неудовольствие, привлекало внимание партийного

руководства к академической категории «почетные члены», которую успешно использовали царские власти в политических целях. В связи с этим, очевидно, было решено освоить ее в собственных интересах.

1 февраля 1931 г. АН СССР избрала в почетные члены наименее одиозную для старых академиков личность из партийно-государственных деятелей — «теоретика марксистской педагогики» Н. К. Крупскую.

Следующим приемлемым в качестве почетного члена АН СССР деятелем революционного движения стал химик, астроном, историк культуры Н. А. Морозов (избран 29 марта 1932 г.).

Еще один общественный деятель — Н. М. Книпович, зоолог, гидробиолог, ихтиолог был членом-корреспондентом с 15 января 1927 г., а в почетные члены избран 1 июня 1935 г. [1, т. 2, с. 360–362].

В Уставе АН СССР, принятом в 1935 г., статья 12 говорила о праве Академии наук «избирать почетных членов из числа ученых, обогативших науку трудами мирового значения» [2, с. 144]. Т. е. корифеев науки. К концу 30-х гг. И. В. Сталин уже прочно вошел в сознание большинства населения страны не только как грозный владыка, но и как «классик марксизма-ленинизма», автор многих партийных публицистических статей, человек пишущий. Звание почетного члена АН СССР — а значит корифея науки — И. В. Сталин получил в подарок к 60-летию, 22 декабря 1939 г. [1, т. 2, с. 362]. Нет сомнения в том, что он был заранее осведомлен об этом подарке.

Однако, при внимательном рассмотрении, он оказался младшим по возрасту и стажу в Академии рядом с тремя престарелыми, но еще живыми тогда почетными членами: И. А. Каблуковым (82 лет), Н. А. Морозовым (85 лет) и Ю. М. Шокальским (83 лет). К тому же И. А. Каблуков после революции одно время сидел под арестом. Более того, Академия вскоре, 29 мая 1940 г., избрала еще одного почетного члена — 80-летнего микробиолога (члена-корреспондента с 29 января 1939 г.) Н. Ф. Гамалею. А 18 ноября 1942 г. последним по времени почетным членом стал иностранец, иранский филолог и историк Мохаммед Али Форути.

И в результате Сталин оказался просто очередным рядовым почетным членом Академии.

Правда, время было напряженное: сначала зимняя война с Финляндией (1939–1940), потом назревала и разразилась поначалу неудачная война с Германией — и было не до наведения «порядка» с членством вождя в Академии наук.

Хотя в предвоенном ежегоднике АН СССР (1941 г.) раздел «Почетные члены» поместили перед разделом «Академики», но фамилии были указаны по алфавиту, и потому после Гамалеи, Ильинского, Каблукова, Морозова Сталин оказался в самом низу списка [7, с. 12–13]. А ведь уже настали времена, когда такое положение казалось окружению Сталина — а может быть, и ему самому — совершенно недопустимым.

И потому еще перед победным окончанием Великой Отечественной войны были приняты тщательно продуманные меры для обеспечения главе государства в будущем совершенно исключительного положения в Академии наук.

Звание «почетный член» существовало в Академии наук СССР до 29 марта 1945 г. В тот день Совет Народных Комиссаров СССР (СНК), в чьем ведении находилась Академия, принял постановление, согласно которому члены Академии наук СССР, имевшие к моменту издания этого постановления звание почетных членов АН СССР*, получили звание почетных академиков АН СССР. Таким образом, возникло новое, ранее не существовавшее звание, которое в тот момент

* Здесь и далее — курсив автора.

имели всего три лица: Н. А. Морозов (умер 30 июля 1946 г.), И. В. Сталин и Н. Ф. Гамалея. В дальнейшем это звание не было присвоено ни одному ученому человеку.

Единственным избранным в почетные академики АН СССР (29 ноября 1946 г.) согласно этому постановлению СНК СССР стал В. М. Молотов. У почетного академика В. М. Молотова научных трудов, конечно, не было, и даже на заседаниях ЦК он не отличался многословием. Зато он был известен особым интересом к деятельности АН СССР и отдельных ее членов. В частности, состоял в острой политической переписке с физиологом, академиком Иваном Петровичем Павловым. В письмах к Председателю Совнаркома Павлов резко выступал против политических репрессий, против гонений на церковь и верующих, в защиту прав целых слоев советского общества, имевших клеймо «лишенцев». Молотов, в свою очередь, пытался принудить Павлова прекратить бойкот Общих собраний Академии наук СССР, который тот начал с 1929 г. [8]. Именно тогда состоялись незаконные выборы в Академию кандидатов, рекомендованных представителями ВКП(б), за которых академиков принуждали голосовать в нарушение Устава, всевозможными угрозами и кампанией запугивания на собраниях, в газетах и по радио. С той поры академик И. П. Павлов ни разу не был на Общих собраниях Академии. Молотов в письмах настаивал на выступлении И. П. Павлова в Общем собрании АН СССР с отчетом о его исследованиях в области высшей нервной деятельности. Однако ученый отказывался от такого выступления (ссылаясь на нездоровье, усталость и т. п.) и своей непримиримой позиции против аморальности в политике и науке не изменил до конца жизни. Умер И. П. Павлов 27 февраля 1936 г. в возрасте 86 лет и 5 месяцев.

Есть сведения о том, что после смерти И. П. Павлова В. М. Молотов дал личное задание партийному публицисту М. Е. Кольцову написать погромную статью против академиков-антисоветчиков — И. П. Павлова и В. И. Вернадского. От этого задания М. Е. Кольцов уклонился (уехав в Испанию под предлогом начавшейся там гражданской войны). 10 декабря 1938 г. Отделение общественных наук АН СССР избрало М. Е. Кольцова в члены-корреспонденты АН СССР, о чем было сообщено в газетах, а через день, 12 декабря 1938 г., до утверждения его выборов в Общем собрании АН СССР М. Е. Кольцов был арестован и погиб в застенках НКВД в 1940 или 1942 г. В 1954 г. он был реабилитирован, но посмертно в звании не утвержден [9, с. 170–178]. Как бы то ни было, но благодаря избранию почетным академиком АН СССР В. М. Молотов прослыл научным корифеем № 2 Советского Союза в 1947–1953 гг. и № 1 — в 1953–1958 гг.

Годы, когда Н. Ф. Гамалея носил одно со Сталиным и Молотовым звание, были для ученого временем неслыханных почестей, доходивших до легенд. Известна история, когда в Казахстане была получена правительственная телеграмма из Москвы с уведомлением о предстоящем прибытии почетного академика Н. Ф. Гамалея. По срочном наведении справок оказалось, что кроме Н. Ф. Гамалея почетным академиком является еще и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин. И тут уже не имела значения цель приезда гостя (на курорт ли, по научной ли необходимости, или с особыми, неизвестными, целями). На перроне вокзала ошеломленного Николая Федоровича встретило руководство республики, военный оркестр приветствовал его звуками торжественного марша, и почетный кортеж охраняемых машин отметил следование престарелого ученого — вопреки первоначальным его скромным планам — к месту неожиданного размещения в особой резиденции. Почетному академику стоило некоторых усилий объяснить хозяевам реальные цели визита, прежде чем те отказались от желания демонстрировать гостю успехи местного народного хозяйства и культуры.

Конечно, числиться среди *почетных академиков АН СССР* для Н. Ф. Гамалеи было иногда вот так немисливо почетно, но в большей степени, однако, это было сопряжено со страхом оказаться невольно в чем-то на равной ноге с вождями. Например, по старшинству избрания он был между Сталиным и Молотовым, но не мог претендовать на промежуточное место в издаваемых списках. В ежегодных справочниках АН СССР 1946–1959 гг. почетные академики помещались в особом разделе впереди академиков. Присутствие среди них на первых порах (в 1946–1949 гг.) ученого — Н. Ф. Гамалеи — закамouflировало выдвижение вождей во главу списка ученых.

После смерти Н. Ф. Гамалеи (29 марта 1949 г.) остались два почетных академика — партийно-государственные деятели. С 1954 г. в ежегодных справочниках АН СССР в разделе «Почетные академики» значился только В. М. Молотов (например, за 1956 г. см [10, с. 23]).

Появление знаменитых теоретических трудов почетного академика АН СССР И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма», которые обязаны были изучать научные работники всех отраслей знания (впрочем, как и многие прочие советские трудящиеся), можно было считать оправданием его академического звания.

Историю с введением для вождей особого академического звания старались скрывать. При жизни Сталина, да и после 1953 г., его коллег — почетных членов АН СССР, ставших в 1945 г. почетными академиками АН СССР, — никогда более не упоминали как *почетных академиков АН СССР*. В списке членов АН СССР за 1917–1947 издания 1950 г. [11, с. 430, 432] все они были снова названы *почетными членами* и включены в соответствующий раздел списка. Даже в книге о Н. А. Морозове [12, с. 26] упомянуто лишь первое академическое звание — «почетный член АН СССР». Таковы признаки идеологической подоплеки введения в 1945 г. звания *почетного академика АН СССР*. Однако история на этом не закончилась.

Оставшиеся в живых политические инициаторы академического подарка Сталину и их преемники оказались в весьма щекотливом положении в 1957 г., когда почетный академик АН СССР Молотов попал в партийную опалу. В июне 1957 г. его вывели из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС. Исключить Молотова из почетных академиков АН СССР законным образом, согласно действовавшему Уставу АН СССР 1935 г., было сложно. 24-я статья его гласила: «Действительные члены, почетные члены и члены-корреспонденты Академии наук лишаются своего звания по постановлению Общего собрания, если деятельность их направлена во вред Союзу ССР» [2, с. 145]. Антипартийность и антигосударственность деятельности В. М. Молотова — члена партии с 1906 г., бывшего и секретарем ЦК партии, и наркомом — министром иностранных дел, и Председателем Совнаркома СССР, а в то время посла СССР в Монголии (1957–1960) — доказывать в АН СССР было бы можно, но тайное голосование в Общем собрании академиков не гарантировало желательного властям результата. В любом случае ЦК КПСС и его Генеральный секретарь Н. С. Хрущев не могли пойти на риск и ставить себя в зависимость от мнения ученых-академиков, среди которых были и беспартийные.

К тому же Молотов не имел ни одного из званий, перечисленных в статье 24-ой Устава редакции 1935 г. [2, с. 145]. Он имел звание *почетного академика*, учрежденное Правительством СССР, а не Академией наук и ее Общим собранием*.

* В двух изданиях книги «Уставы Академии наук СССР» (М.: Наука, 1974 и 1975) нет никаких указаний на изменения, внесенные в 1945 г. в ст. 24 Устава АН СССР 1935 г. Такие изменения, конечно, могли быть приняты Общим собранием в 1945 г. после Постановления Совнаркома, а отсутствие их в публикации Уставов 1974–1975 гг. можно объяснить цензурным режимом лет издания книг.

Тем более недопустимым казалось идеологическим работникам выносить всю эту политическую подоплеку на обсуждение Общего собрания после 1957 г.

Во избежание скандала и ненужной огласки прибегли к обходному маневру. В директивных органах на контроле стоял вопрос о новом Уставе АН СССР. Проект его обсуждали в Президиуме АН с 1947 г. несколько раз. 20 июня 1956 г. Общее собрание Академии одобрило очередной вариант. Тем не менее 14 сентября 1956 г. создали еще одну Комиссию по выработке текста Устава АН СССР под председательством А. В. Топчиева. Президиум АН СССР рассматривал варианты проекта 21 июня 1957 г., 31 января, 28 февраля, 18 и 25 апреля 1958 г. Группа академиков (В. С. Кулебакин, Б. А. Введенский, А. Н. Колмогоров и И. М. Виноградов), членов-корреспондентов (С. И. Соболевский, М. С. Строгович, В. С. Гутыря) и ставшие позже академиками С. В. Калесник и А. Л. Минц, а также Главная астрономическая обсерватория сделали предложения по изменению статьи 10-ой Устава 1935 г. о понятии «состав АН СССР». Они, в частности, выступали за исключение из статьи слов «почетных академиков» и «основного штата научных сотрудников, работающих в учреждениях Академии наук» [2, с. 198]. Однако в книге «Уставы Академии наук СССР» дан следующий текст статьи 10-ой Устава 1935 г.: «Академия наук состоит из действительных членов (академиков), почетных членов, членов-корреспондентов и основного штата научных сотрудников, работающих в учреждениях Академии наук» [2, с. 143]. Почетные академики здесь, разумеется, не упомянуты, но нет и примечания о последовавшем в 1945 г. изменении этой статьи. В то же время в примечании 114-м к тексту Устава 1959 г. все-таки сказано: «По сравнению с уставом 1935 г. (ст. 10) из состава Академии исключено звание „почетного академика“». Последняя формулировка позволяет считать, что в 1945 г. после постановления Совнаркома статья 10-я Устава 1935 г. была изменена: почетные члены переименованы в почетных академиков. Стало быть, в 1959 г. Общему собранию АН СССР предложили одобрить отредактированный заново Устав АН СССР, в котором вообще не были предусмотрены ни почетные члены, ни почетные академики АН СССР.

В книге «Уставы» [2] нет сведений об утверждении Устава АН СССР 1959 г. в ЦК КПСС или в правительстве, которому она (по Уставу) непосредственно подчинена. Правда, в ведомственном служебном издании этого Устава [13, с. 3] есть примечание: «На основании разрешения Совета Министров СССР утвержден Общим собранием Академии наук СССР 28 марта 1959 г. и введен в действие с 31 марта 1959 г. (постановление Общего собрания АН СССР от 28 марта 1959 г. № 5)». Так, хотя и по разрешению правительства, но все-таки силами самих академиков Академию наук СССР отделили от Молотова. Правда, неизвестно постановление Совета Министров СССР о лишении Молотова звания и диплома почетного академика АН СССР.

Двумя днями ранее принятия нового Устава АН СССР, на той же сессии Общего собрания, 26 марта 1959 г. был лишен звания члена-корреспондента по Отделению экономических, философских и правовых наук другой коллега Молотова по антипартийной группе — специалист по «политической экономии», экономист-аграрник, бывший заведомо пропаганды и агитации ЦК партии Дмитрий Трофимович Шепилов. Очевидцы голосования в Нескучном дворце уверяли, что по оглашении его результатов кто-то из присутствующих радостно заметил: «Хорошо бы и Трофима Денисовича туда же!» — в мечтах избавить советскую науку от мракобеса в звании академика — Т. Д. Лысенко. Д. Т. Шепилов позже не был восстановлен в звании члена-корреспондента и не был упомянут в справочнике 1974 г., хотя состоял в АН СССР с 23 октября 1953 г. по весну 1959 г. Видимо, ис-

ключение его было расценено не как политическая репрессия, но как объективная оценка реальной научной значимости творчества исключенного. Это, однако, создало важный прецедент на будущее.

Итак, с 1960 г. Молотов исчез из справочников и списков членов АН СССР, даже исторических. Но оставалась неувязка: звание почетного академика после 1945 г. носили, кроме Сталина и Молотова, еще ученые Н. А. Морозов и Н. Ф. Гамалея. Это звание у покойных нельзя было отнять даже постановлением правительства. Общее собрание тем более не в силах было сделать это. А нам не известно постановление Совета Министров СССР, отменяющее постановление Совнаркома СССР от 29.03.1945 целиком или в части о переименовании живших тогда почетных членов в почетные академики. Да если бы такое постановление и было, оно не могло отменить исторический факт.

Однако в издании «Академия наук СССР: Персональный состав. Книга 2. 1917–1974» [1] раздела «Почетные академики АН СССР» нет вообще. Двое ученых и Сталин, имевшие звание почетных академиков, включены в раздел «Почетные члены» без упоминания об их новом академическом звании периода 1945–1959 гг. Благодаря чему Сталин снова оказался рядовым членом академического научного сообщества. Такая поправка специалистами по непредсказуемой истории была соблюдена для сокрытия невключения Молотова в исторический справочник в 1974 г.

Идеологическое насилие вызвало не только умолчание, но и другие исторические искажения в этом юбилейном справочнике.

В 1899 г., к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Императорской Академии наук был учрежден Разряд изящной словесности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). То было возрождением традиций гуманитарной Российской академии, существовавшей с 1783 по 1841 гг., куда избирали не только ученых, но также писателей и поэтов. Члены его, как и наши главные герои, носили звание почетного академика, но с добавлением: по Разряду изящной словесности ОРЯС Императорской (1899–1917) — Российской (1917–1918) академии наук. Первыми такими почетными академиками стали 8(20) января 1900 г. поэт А. М. Жемчужников, правовед А. Ф. Кони, писатель В. Г. Короленко и другие. Последними в него были избраны 20 марта 1917 г. артист, режиссер и теоретик театра К. С. Станиславский и драматург и театральный деятель А. И. Сумбатов-Южин [1, т. 1, с. 232–240]. Разряд формально прекратил деятельность в 1918 г., но это не повлекло за собой исключения почетных академиков из официальных исторических справочников АН.

До 1917 г. в ежегодных справочниках Императорской АН и в ее справочнике за 1724–1907 гг., составленном и изданном в 1908 г. Б. Л. Модзалевским, соблюдали следующий порядок рангов в академических званиях: 1. Действительные члены, или академики; 2. Почетные академики по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности; 3. Почетные члены: а) члены императорской фамилии; б) зарубежные монархи; в) остальные отечественные; г) остальные иностранные; 4. Члены-корреспонденты: а) отечественные; б) иностранные.

Во всех рубриках соблюдали хронологию избрания (по старшинству).

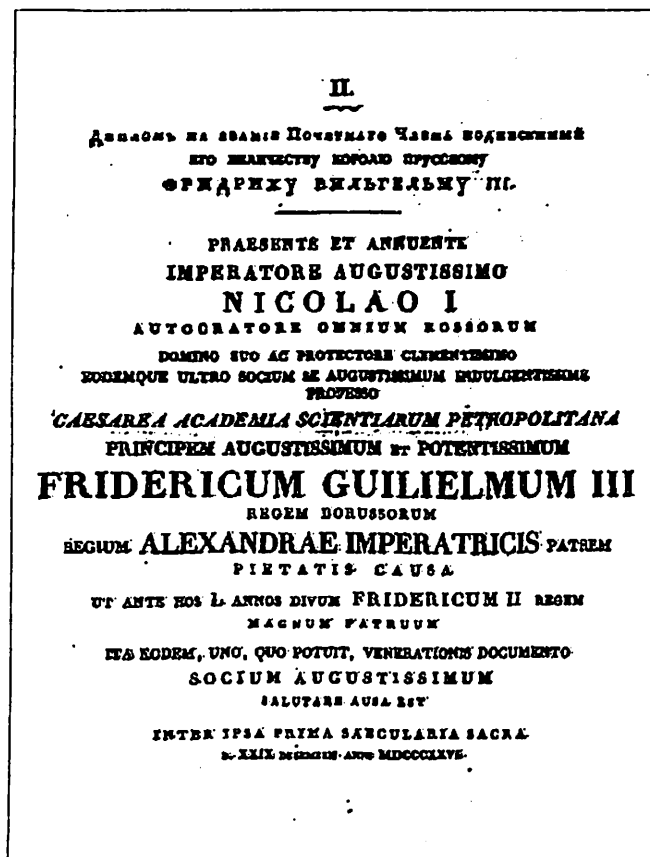
Стало быть, для Императорской Академии наук литераторы, избранные «на общественных началах» в почетные академики ОРЯС, были важнее просто «почетных членов», включая членов императорской фамилии. Но в 1950 г. для составителей юбилейной книги АН СССР за 40 лет советской власти [1] в списке ее членов за 1917–1947 — И. В. Сталин и В. М. Молотов, помещенные в раздел «Почетные академики» (без упоминания «АН СССР») [1, с. 357–358], были важнее всех

ученых. Император Николай II, конечно, не мог рассчитывать на такое почтение со стороны «своей» Императорской Академии наук. В этот исторический (!) раздел составители осмелились включить из четырех почетных академиков АН СССР только двоих упомянутых вождей. Почетные академики Н. А. Морозов и Н. Ф. Гамалея в 1950 г. снова оказались в числе почетных членов [11, с. 430, 432]. Структура исторического двухтомного справочника АН СССР 1974 г. была построена по современной концепции структуры АН СССР.

Очевидно, исходя из того, что ныне члены-корреспонденты получают деньги за академическое звание, их причислили к понятию «академическая корпорация», употребленному Г. К. Скрябиным в «Предисловии» к упомянутому справочнику [1, т. 1, с. XV]. Поэтому после первого раздела «Действительные члены» вторым сделали раздел «Члены-корреспонденты».

В третьем разделе поместили сведения: 1) об отечественных почетных членах; 2) о 23-х почетных академиках по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности; 3) о 3-х почетных академиках Академии наук СССР, в отношении которых не было указано, что они имели такое звание.

В раздел «Иностранные члены» поместили в общем хронологическом порядке избранных: а) почетных членов — иностранцев; б) членов-корреспондентов — иностранцев. Сюда же по причине подозрительной фамилии ошибочно отнесли отечественного почетного члена, москвича, знаменитого доктора Х. И. Лодера, жившего, пользовавшегося больными лечебной ходьбой, моционом и умершего в первопрестольной. В этом же разделе в отношении более 50 почетных членов и членов-корреспондентов из Германской и Австро-Венгерской империй не указано, что они, как поданные воюющих с Россией держав, были исключены из Императорской АН 6(19) февраля 1916 г. по требованию правительства и шовинистической общественности Петербурга. Не удалось найти сведений, подтверждающих отмену их исключения из Академии наук.



Диплом на звание почетного члена Академии наук, поднесенный прусскому королю Фридриху Вильгельму III, в ознаменование 100-летия Санкт-Петербургской академии наук

В справочнике 1974 г. не упомянуты несколько сотен академиков, отечественных и иностранных почетных членов и членов-корреспондентов, ставших жертвами репрессий, преследований, цензуры или ошибок составителей.

Все эти отступления от принципа историзма важно устранить в будущих справочниках и исследованиях по истории Императорской — Российской — Всесоюзной — Российской академии наук.

Литература

1. Академия наук СССР: Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М., 1974; Кн. 2. 1917–1974.
2. Уставы Академии наук СССР. М., 1975.
3. *Hartkopf W.* Die Akademie der Wissenschaften der DDR: Ein Beitrag zu ihrer Geschichte. Berlin, 1975.
4. *Валишевский К.* Роман Императрицы: Екатерина II, Императрица Всероссийская. М., 1994.
5. Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 год. СПб., 1914.
6. *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.-СПб., 1995. С. 141–210.
7. Академия наук СССР. Справочник на 1941 год. М.-Л., 1941.
8. *Павлов И. П.* «Не один же я так думаю...» // Медицинская газета. 1989. № 45.
9. *Медовой Б. Б.* Миханл и Мария. М., 1991.
10. Академия наук СССР. Справочник на 1956 год. М., 1956.
11. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.-Л., 1950. На правах рукописи. (Тираж 500 нумерован. экз.)
12. *Сайкин О. А., Серебровская К. Б.* Жизненный путь Николая Александровича Морозова // Николай Александрович Морозов: Ученый-энциклопедист. М., 1982.
13. Устав Академии наук СССР. М., 1959.